

**ЕЛЕНА
БАРТКЕВИЧ**

**ЗОЛОТЫЕ
ГЛАЗА
ГОЛНЦА**

**НОВОМОСКОВСК
2016**

УДК 821.161.1(081) Барткевич Е.

ББК 84(2Рос=Рус)

Б26

Барткевич, Елена

Золотые глаза Солнца: циклы стихов,
фантастический рассказ / Елена

Барткевич. - Новомосковск.: [б.и.], 2016. -

с.126

В авторской редакции

*цикл
стихотворений*

* * *

В раме лазурной
картины прекраснее нет –
В сказочном инее –
сказочный зимний рассвет.

Глянешь случайно в окно –
глаз нельзя отвести:
Сыплет искрящийся снег
золотым конфетти.

Кружатся в воздухе
снежных цветов лепестки.
Хочется что-то начать
в жизни с новой строки.

С чистой страницы начать,
по-иному, чем встарь.
Я обнуляю, как ты посоветовал,
свой календарь.

* * *

Конец января. Пронзительный холод.
На спад не идёт упрямый мороз.
И снова начнёшь отыскивать повод
Из дома пореже высовывать нос.

Светает, увы, по-прежнему поздно.
Как жаль –
 не открутишь стрелки назад.
Почти что бежишь – и стылые звёзды
Холодными иглами колют глаза.

И в мёрзлой тиши,
 среди снежной равнины
Вдруг вспомнится взор –
 как два маяка.
Так хочется стать той кистью рябины,
Согретой в твоих горячих руках...

Рождество

Небо как молоко.
Где там искать звезду?
Как она далеко...
Я её не найду.

Спать бы пора – не спишь.
Лужи кругом стоят.
Капают капли с крыш.
То ли январь, то ль март.

Где тех мечтаний след
В прошлое Рождество?
Сбылось, а что-то – нет.
Что теперь из того?

В луже – дорожный знак.
Тает усталый снег...
Не обновить никак
Жизни на месте бег.

И, словно верный пёс,
Бродит за мною грусть.
Из прошлогодних слёз
С крыши капель. Ну и пусть...

Город-отель

Ветер выл, как пёс бездомный,
Проклинающий судьбу.
Месяц, чтобы удержаться,
Зацепился за трубу.

Город за ночь превратился
В снежный сумрачный отель.
По нему мороз гуляет –
Мстительный метрдотель:

Настелил вдоль коридоров
Он дорожек ледяных,
И глядит, как постояльцы
Разбивают лбы на них.

А метель в наколке белой,
Неприступна и горда,
Горничною бестолковой
Мечется туда-сюда...

Ночные огни

Молчалива и бледна,
Одинока там, во мраке –
Светит мутная Луна,
Как бельмо в глазу собаки.

Одинокий светофор –
Грозный страж ночного мира –
Смотрит пристально, в упор
Оком пурпурным вампира.

Фонарей высоких ряд –
Зимний город озаряя,
Золотым дождём горят –
Кисти Рембрандта, с «Данаи».

Прибавляются ли дни –
Ночь зимой царит, однако.
И далёкие огни –
Что созвездья Зодиака.

Апрель

Знать, природа сходила с ума –
Уходить не желала зима.

А сегодня – ну прямо беда –
Сплошь на улицах лёд и вода.

Сходу властно ворвался апрель,
Сразу в дождь превратилась капель.

Фонарей вдоль дороги огни...
Я могу лишь отсчитывать дни

До того, как весны посреди
Сердце птицей забьётся в груди.

До того, как опять в тишине
Перехватит дыхание мне.

До того, как я, словно с Судьбой,
Снова встречу глазами с тобой...

Настроение

Дождь

вбивал в асфальт гвоздей металл,
Ветер травы в косы заплетал.

Хоть пришёл июнь, горяч и юн –
Стало небо серым, как чугун.

Выменем отвисло молодым
До земли – под тяжестью воды.

Сквозь завесы мокрых, мрачных туч
Вниз не мог пробиться Солнца луч.

Без него и тускло, и темно.
Я его не видела давно.

Стынет мой очаг, почти остыл.
Белый свет становится не мил.

И в душе без Солнца день за днём –
Та ж картина, что и за окном...

Ненавижу жару

И в безоблачный полдень,
Вечером и поутру
Ненавижу просто,
Терпеть не могу жару.

Когда пот заливает глаза
И не видно ни зги,
Когда плавятся одновременно
Асфальт и мозги.

В бесконечные эти часы
Ощущаю сполна
Я медузой себя,
Что на берег швырнула волна.

Нет, по мне пусть уж лучше,
Если дождь проливной,
Чтобы тучи стальные,
И ливень стоял стеной.

Чтоб водой напиталась
Громада иссохших полей,
Чтоб прибило к земле
Аллергический пух тополей.

Чтобы тяжесть с души
Стекала, словно грехи.
А ещё под дождём
Пишутся лучше стихи...

Западный ветер

В зное июля
деревья дрожат на ветру.
Яростный ветер –
спасение в эту жару.
Травы к земле
преклонились покорно вокруг.
Западный ветер,
сегодня ты – лучший мой друг.

Дуй посильнее,
пожалуйста, сил не жалея!
Пеплом сгоревшего
горечь из сердца развей.
Чтоб успокоиться
и ни о чём не жалеть.
Чтоб не стегала
безжалостной памяти плеть...

После жары

Лето жаркое выдалось.
В воздухе влаги – нуль.
И особенно невыносимым
выпал июль.
Гибла, сохла трава,
скукоживались цветы.
Задыхались животные, люди
от духоты.
А у нас на работе –
днём ли, среди ночей –
Как в Долине Смерти, бывало
возле печей.
И с мечтою об отпуске,
чтоб отойти от дел,
В крематорий этот шли мы,
как на расстрел.
Но явило и небо милость –
держите, мол!
Мы так долго ждали дождя –
и вот он пришёл.
Сколько раз проходил –
беспечно так, налегке.
Грохотало, сверкало –
но мимо и вдалеке.
А сегодня полдня, уверенны и легки,
Облака вместе с тучами
мчались вперегонки.
А потом за минуты
стало темно кругом,

Точно тяжким чугунным
всё накрылось котлом.
Серый занавес распахнулся.
Под ветра свист
На подмости выскочил Дождь –
ведущий артист.
Как хозяин, ворвался в город
и главным стал,
Каждый листик, травинку, камешек
пересчитал.
Всех загнал по щелям,
будто карликов – великан,
И один танцевал на улицах
свой канкан...
В общем, повеселился всласть,
здесь устроил бал.
Градом в окна кидался –
видно, в зиму играл.
После угомонился –
да сколько и можно уж? –
И спокойно, умиротворённо,
из тысяч луж
Так невинно и с любопытством
глядит на мир.
От помех, напряженья, пыли
отмыт эфир...
Стало сразу легче на сердце
и в голове.
И покинул наш город
гость ледяных кровей.

После дождичка в четверг

Как же славно
 после дождичка в четверг!
Точно душу окропил, смывая грех.
И глядит на нас с улыбкой молодой
Небо, начисто отмытое водой.

Лип божественно-медовый аромат,
Город им насквозь пропитан и объят.
Потому ль, ещё ли почему-нибудь –
Вдвое больше воздуха вбирает грудь.

В каплях – дальний отражается закат,
Словно серьги посреди листвы горят.
Вот и радуги высокой благодать –
Не забыть бы мне желанье загадать...

Холодный июль

Дожди всё льют друг за другом –
надолго пришли,
не иначе.
Знать, по каким-то мечтам
не исполнившимся
небо плачет.

Стоит июль небывало холодный,
что так необычно.
И только я одна этому рада
эгоистично.

А скоро август наступит, и лета финал
уже ближе.
Не удивляйся, ведь я говорила –
жару ненавижу!
Когда за тридцать – себя ощущаю
сбежавшей из ада.
И как другим – я не знаю. Мне лично
милее прохлада.

Чтоб не считать каждый день –
сколько с потом
теряешь калорий?
В проклятый зной –
если только русалкой
валяться на море.
Но, в общем, ты не поймёшь меня.
Не задавайся вопросом –
Зачем меняю я вечное лето
на серую осень...

Огненная река

Был рассвет сегодня
яростный такой –
разливался в небе
огненной рекой.
Гневаясь, пылали
берега её –
словно в поле кто-то
подло жёг жнивье.
В переливах цвета,
то багров, то ал,
вечной птицей Феникс
горизонт пылал.
А напротив окна
пламенели аж –
кровь ли там пролилась?
Красная гуашь?
Странная стояла
всюду тишина.
А должна, казалось,
песня быть слышна, –
о войне, героях
иль ещё о чём...
Был пропитан воздух
алым кумачом.
Но потом вся эта
дикая краса
выцвела, поблёлка

через полчаса.
Что ж оно пропало,
 пиршество для глаз?
Речка обмелела,
 иль пожар угас?
Или же художник,
 меж стихий двух мост –
брызнул из баллона
 и размыл свой холст?..

Триолет

Россыпь дукатов
 с берёз золотых покати́лась.
Вновь листопад –
 Октября запоздалая милость.
В Солнца лучах перекрёстных,
 кружась и сверкая,
Россыпь дукатов
 с берёз золотых покати́лась.
Пусть от рассвета Природа щедрa –
 до заката,
Но меж сезонами –
 Осень всех больше богата:
Россыпь дукатов
 с берёз золотых покати́лась.
Вновь листопад –
 Октября запоздалая милость...

Сонет

Опять зарёю огненной объято
Пространство —
 словно бы создать спеша
Пейзаж без кисти и карандаша.
Природа на фантазии богата.

О, красок неба щедрая растрата!
Как часто, замерев и чуть дыша,
Блаженством насыщается душа
На пиршестве восхода и заката.

Но если, под ярмом тревог и бед,
Покажется, что потускнел рассвет,
И стало смутным и неясным **завтра** —

Я знаю, что уже в который раз
Окрасит мир мой —
 свет волшебных глаз,
И слов твоих спасительная мантра...

* * *

В первых утренних лучах
Нежилось лениво море.
У утёса на плечах
Ангел занял пост в дозоре.

Он задумчиво глядел
В даль, где Солнце восходило,
Где новорождённый день
Наливался новой силой.

И покуда мир, покой,
Свет в глазах его лучится –
Точно знаю, что с Землёй
Ничего не приключится...

*цикл
стихотворений*

Чужестранка

Что ж вокруг меня как-то зыбко?
Будто я, по миру блуждая,
Забрела сюда по ошибке,
Этих мест и вовсе не зная.

Что-то всё не так в этой жизни.
Копится с годами усталость.
А в неведомой мне отчизне
Где-то моё сердце осталось.

Прохожу под солнцем палящим,
И всему дивлюсь иностранкой.
Без корней, всю память хранящих,
Но родной земле – чужестранка.

От рождения и доныне
На людей других не похожа.
Непонятны мне их святыни,
Их забавы мне чужды тоже.

Я не чувствую связи с ними.
Кто же и откуда я родом?
Общий род и общее имя
Обрести с каким мне народом?

* * *

Течение времени –
тройки размеренный бег.
Сереет и мокнет
пушистый вчера ещё снег.
Последнего дня января
распромозглая стынь...
Моё вдохновение –
горькое, словно полынь...

Многоточие

Ты на меня не сердись,
 мне на это смотреть
нету мочи.
Будет всегда всё равно только,
как ты захочешь.
Невыносимо в любимых глазах
видеть холод.
Трудно потом отыскать
к примирению повод.
Жизнь – как вода. Здесь всё так
ненадёжно и зыбко.
Задним числом не впервой нам
жалеть об ошибках.

Только другого
 винить готов каждый в них –
так ведь?
Что-то не трудно сломать,
но сложнее исправить.
И разве точку нельзя превратить
в многоточье?
Ладно, как скажешь. Пусть будет всё,
как ты захочешь...

Бред февраля

Боже, это всё случилось заново!
Счастье моё горечью отравлено.

То, чего боялась дико - вот оно.
Верно, что всё в жизни закольцовано.

Как зима сменила лик свой
 ангельский...
Воют вьюги злобные февральские.

Леденят мне душу под одежду,
Заметают верушку с надеждою.

Погадать взялась печаль-пророчица.
Мой отсчёт обратный скоро кончится.

И не знаю – радоваться стану ли,
Как пойдут на счётчике одни нули.

Слёзы – как росинки ледяным цветам,
Вновь в глаза вкатились
и замёрзли там.

Мне набилась этой ночью стылою
В лучшие друзья тоска постылая...

* * *

Что-то сердце, кажется, сбоит:
Замерло – и вдруг во весь опор...
Солнце восходящее горит
В небе, будто красный светофор.

Очень долог нынешний апрель...
Тянутся с утра до ночи дни.
Снег последний, как подбитый зверь,
Уползая, прячется в тени.

Режет натянувшаяся нить.
Как тоску-печаль прогнать взащей?
Как бы малой кровью победить
Мне тревогу странную в душе?

Совокупность горьких мелочей...
Шли б они... Тут с ними нет житься.
Ах, надежда – крылья из лучей –
Где ты, птица светлая моя?

* * *

У нас – слишком разные роли.
Вход в душу твою запаролен.
И кажется мне, что порою
Пароль подбираю я, что ли?

Поздно

«А время всё также не лечит...»

Кира Каменецкая

Поздно «Боржоми» пить,
Поздно учить уроки,
Против течения плыть,
Если прошли все сроки.

Белкою в колесе
Дни напролёт крутиться.
Перемешались все
Даты, события, лица.

Что для одних – весь мир,
То для другого – малость.
Слать ли мольбы в эфир,
В сердце копить усталость?

Ждать – вот сентябрь придёт
В мокрой своей одежде.
Знать – свой всему черёд.
Небо коптить, как прежде.

Помня – никто другой
Больше тебе не нужен.
Вглубь загоня вой,
Неслышимый снаружи...

* * *

То ли комедия, то ли же драма,
То ли же это, действительно, карма?
Или судьбы мимолётная шалость? –
Белое с чёрным в палитре смешалось.

Лёд и огонь;
 снег в расплавленной лаве –
Соединились в загадочном сплаве,
Не подобрать к нему точное слово...
Как отделить мне одно от другого?

Не подобрать к нему точное слово...
Как отделить мне одно от другого?

Но и в духах, в их букете богатом,
Амбра – для стойкости и аромата.
С опытом новым
прибавишь и в силе –
Ангел, примеривший Демона крылья.

Непостоянство

Солнце палящее скрылось.
Тени мне гладят лицо.
Медленно-медленно тучи
город сжимают в кольцо.
Перевернувшейся фурой
скоро вот-вот грянет гром.
В призрачных факелах молний
небо прольётся дождём.
Что-то с душой приключилось,
где он – потерянный рай?
Капля за каплею горечь –
скоро плеснёт через край.
В сердце ноябрь вселился,
летом он встал на постой.

Всё, что надёжным казалось –
 смято бетонной пятой.
То, что случается ныне –
 явь, к сожаленью, не сон.
Знаю, Чей Лик мной разгневан,
 Чей мною Дух оскорблён...
Верно: где тонко, там рвётся,
 совесть, увы, не чиста.
И умолять о пощаде –
 не разомкнутся уста.
Мышцы слабеют, и в пальцах
 не унимается дрожь.
Нет, ничего не удержишь –
 и ничего не спасёшь.
Тучи с холодной водою,
 грозно грохочущий гром.
И неизменен – лишь ветер
 в непостоянстве своём...

Контраст

Только условно
 поделено всё на части.
Целостность мира
 полнее видна в контрасте.
Сплав золотой
 без меди – совсем непрочен,
Нет ни земли без неба,
 ни дня без ночи.
Зло – без добра?
 Без сытости – есть ли голод?
Можно ль тепло познать,
 не познавши холод?

Ива

Проще простого сказать: «Не могу»,
Сдавшись растерянно в руки врагу.

Затормозить в середине пути
И, повернувшись, с обидой уйти.

Всё побросать, не дойдя до конца,
Радуя чёрные чьи-то сердца.

В слёзы – на зависти полный укор,
Чтоб
 лизоблюдов злорадствовал хор?!

Лучше когда-нибудь в зимние дни
В парк прогуляйся, на ивы взгляни.

Видишь –
 прогнувшись почти до земли,
Ветви под тяжестью снега легли.

Гнутся всё ниже и ниже, и вот –
Снег не удержится, он соскользнёт.

Вновь распрямятся.
 Здесь тайна одна –
Тайна, что в гибкости заключена.

Ветви – не гнись они, точно без сил –
Груз бы тяжёлый легко их сломил.

Ивою стань, не утрать эту нить.
Можно смириться, но тем победить.

Город Семи Ветров

Скоро наступит май,
И налетят ветра.
Будут упрямо дуть
С вечера до утра.

Видимо, захотят
Выдуть, в один из дней,
Сей неотвязный бред
Из головы моей...

Мозга неслышный взрыв.
Жизни внезапный крен.
Скорый мой шах – и мат.
Мой добровольный плен.

Сердца шального гул,
Тщетных усилий рать –
Как всё отдать тому,
Кто не захочет брать?

Кто кандалы замкнул
И зашвырнул ключи.
Время зажал в руке –
Радуйся иль кричи.

Можно ль куда уйти
Хоть на кратчайший срок,
Если на Нём сошлись
Петли любых дорог?

Скоро придут ветра,
К небу вздымая пыль.
Волосы вороша,
Словно степной ковыль.

Холод пустых надежд
И несказанных слов.
Просто - такой он, мой
Город Семи Ветров...

Два учителя

Два разных Учителя
 есть в моей жизни:
Один – эгоист,
 тот – силён в альтруизме.

Пушинка – и камень,
 дыханье – и кожа.
Они – точно пламя с водой,
 непохожи.

Различны их цели
и средств инструменты,
На разном по-разному ставят акценты.

И действовать учат меня –
вот досада –
Как надо один,
а другой – как не надо.

Но каждый из них
в этой жизни спирали –
Одна сторона двусторонней медали.

Что делать, как истину верно увидеть?
Любить одного, одного – ненавидеть?

...Не знаю,
зачем так уж нужно мне это –
Ношу в медальоне я оба портрета.

И мысль мне всё менее кажется
дикой,
Что это – один мой Учитель двуликий.

* * *

Всё, что пело и алело,
Всё, что жило и росло –
Онемело, отгорело,
Отблестело, отцвело.

Что резвилось и хотело,
Что сверкало и текло –
Отблестело, обмелело,
Обломалось и прошло.

Взгляд суровый

Поверишь - когда ты
 вот так поглядишь на меня –
Мне хочется голову сунуть в песок,
 будто страус.

Взять старые письма
 и сделать добычей огня,
Потом попытаться
 вокруг упорядочить хаос.

Работу сменить.
 Мебель всю переставить в дому.
И за город ездить
 дышать ароматами хвои.

Учиться прощать –
иль обид не спускать никому.
Причёску сменить.
И везде переклеить обои.

Освоить... не знаю –
гончарный вертящийся круг,
Чтоб люди потом восклицали:
«Ну вот мастерица!»
И не по-английски,
а на эсперанто бы вдруг.
И может быть, даже
машину водить научиться.

Да, сбросить ещё килограмма четыре.
Ну, три.
Ходить в фитнес-клуб
до седьмого, десятого пота...
А знаешь – вот так на меня ты
почаще смотри:
Глядишь – я и правда
начну изменять в себе что-то!

*цикл
стихотворений*

Взгляд

По черноте полей
Тихо, след в след, ступай.
Очи склонив к земле,
Взора не поднимай.

Вскинув глаза-цветы,
Не опустив назад –
Сильно рискуешь ты
Встретить однажды ВЗГЛЯД.

Что он в себе таит?
Роскоши царской клад?
Трепетность райских крыл?
Огненно-жгучий ад?

Словно нездешний свет
Вспыхнет в твоей судьбе,
И на него в ответ
Всё закипит в тебе.

Эдакий вот пассаж
Он сотворит с тобой.
Всё за него отдашь,
Станешь его рабой.

И нет пути назад.
Лишь до конца – вперёд.
Тот, кого минул ВЗГЛЯД –
Как он тебя поймёт?

Будешь, свет глаз любя,
Помнить о нём, пока
Не изгрызёт тебя
Бешеный волк – тоска.

И побредёшь потом,
Всех посылая прочь.
Чтоб, разогнав авто,
С ходу ворваться в *н о ч ь*.

Так что ходи, читай
Трав и цветов узор.
Очи к земле склоняй,
Не подымай свой взор...

Полёт

Рисует стрелка чёрная
 за кругом новый круг.
Далёк он, мой улыбчивый,
 мой беспощадный друг.

Он коллекционирует
 разбитые сердца.
Круг – линия,
 лишённая начала и конца.

Но разве в этой горечи
 повинен кто-нибудь,
Коль выстилают сами же
 ему сердцами путь?..

.....

Раскинувшись за окнами,
 апрель вступил в права.
И в голове всё крутятся
 никчёмные слова.

Ночь. Пустота. Бессонница.
Дождливая стена.
Подумаешь, ещё одну
 свела с ума весна...

Беспечная,
как песенки ребяческой куплет,
Восторженная бабочка,
летающая на свет –

Волшебный, опьяняющий,
он мира центром стал.
А там, в глубинах пламени –
не тлеющий кристалл.

Влекуще-упоителен
сей гибельный момент:
Сгоришь ли? Разобьёшься ли? –
и перспективы нет.

Но счастьем невесомости
он душу вдруг зальёт.
Наполнен райской музыкой
тот, весь в огне, полёт.

И каждый сам решает здесь.
Не лучше ли сгореть
В слепящем ярком пламени –
чем вовсе не взлететь?

Взглянуть с высот, как будто бы
нажав на кнопку ZOOM,
На них – на мудрых, правильных,
оставшихся внизу...

Зачем?

Вдохновивший тебя аккорд
чёрно-белых клавиш...
Ах, зачем ты Его увидеть,
узнать мечтаешь?

Не отыщешь пути назад,
раз познав начало.
Ты поймаешь пристальный взгляд –
и пиши пропало.

Вдруг захвачена ты врасплох.
Крыть же будет нечем.
Будешь жить с этих пор
от встречи одной
до встречи.

С Ним – янтарный восход,
без Него в твоём небе –
полночь.

Кислорода взамен
ты вдохнёшь
ожиданья горечь.

Это только Ему по силам
твой дух встревожить.
Этой жажды никто другой
утолить не сможет.

Будет в мыслях с тобой
 весь день,
 и с приходом ночи
Не оставят тебя
 Его колдовские очи.

Он – Огонь. Он красив,
 но больно с Ним,
 жарко, знойно...
Ну, зачем тебе знать Его?
 Лучше спи спокойно.

Тет-а-тет

Мысли и нервы в клубок сплетены.
Сорваны башни, мосты сожжены.

Пропась – внизу, ничего – позади.
Пойманной птицею – трепет в груди.

Не оторвать обречённый свой взор:
Он примагничен, приклеен в упор.

Взмокший,
 покрытый испариной лоб...
Жидкое пламя глотаю взахлёб.

Выстрел насквозь...
 нет – ожог от кнута!
Молния в сердце – твоя красота!

То ли горю, то ль тону – что со мной?

Огненный шторм
захлестнул с головой.

Вопль мой немой –
вперехлёт, через край:
– Не отпускай меня! Не отпускай!

Мне бы...

Шаткий баланс неверный
держу на грани.
И я не знаю –
что мне теперь важней.
Ввысь ли меня влечёт,
или в бездну тянет?
Светлый ты Дух,
или мой Искуситель-змей?

Как же я так влюбилась неосторожно?
(Стал на эпитеты что-то язык мой
скуп.)

Юноша-лето красное, и невозможно
Взора свести с черешневых этих губ...

В игры чудные
затеял играть мой разум –
Точно туман вокруг
перекрыл ландшафт.
Жалко, что мы на «ты»
перешли так сразу –
Мне бы с тобою
выпить на брудершафт...

* * *

Твои поступки предсказать
Порой бывает очень сложно.
Тебя, как тайну, разгадать,
Наверно, просто невозможно.

Как в листопад взлетают ввысь
И кружатся листы сухие,
Перемешались и сплелись
Живущие в Тебе Стихии.

В мелодии сентябрьских дней
Под звук дождя постигнуть мне бы
Секрет гармонии Твоей –
Дитя Огня с глазами Неба...

Напалм

Жесточайший мороз и ветер –
в лицо кастетом.
То – коварный лёд,
а то – по колено снег.
Величайшее счастье – знать:
есть **ты** в мире этом.
Мне же в мире **твоём** –
увы – не бывать вовек...

Оболочка – во льдах.
В глубинах же – всё иначе.
Там, рассыпавшись в пепел,
оплот мой последний пал.
Надо мной насмеялся злобно
крылатый мальчик,
И давно вместо стрел
в колчане его – напалм...

Не спасёшься

Люди, спрятаться мне позвольте,
Ведь исход мне предельно ясен.
Защитите меня, укройте –
Я же знаю, как он опасен!

Кто-то спросит – чего бояться? –
Заявляю без грамма фальши:
От подобных ему держаться
Надо, как от греха – подальше.

Не кинжал, не пуля, не лазер –
У него другое оружие:
Кислотой разъедает разум,
Проникает всё глубже, глубже.

Где ж мечом тут опоясаться
И стоять с открытым забралом?
Прочь бежать от него, спастись,
Мост поднять, опустить шлагбаум!

Я вокруг себя строю стены,
Баррикад воздвигаю горы.
Прячусь в тёмном углу смятенно,
Двери позакрыв на запоры.

Придвигаю к ним груз натужно,
Вся как будто в чаду угарном,
И кричу: «Нет, ты мне не нужен!
Уходи от меня, коварный!»

Дай дышать легко и свободно,
И глаза поднимать достойно.
Прочь, преследуй кого угодно,
Знаешь, как без тебя спокойно?!»

Ну, а он, слов диких не слушав,
И небрежно руку взметая –
Возведённые стены рушит,
Мне в глаза победно взирая...

Мишень

Сколько горьких моментов...
Но видно, таков расклад.
Сколько стрел, в пустоту
пущенных наугад.
Их влекло, как магнитом –
так лаской манит апрель.
Но похоже, из них ни одна
не попала в цель.
А сначала казалось,
что цели достичь легко.
Только стрелы - всё мимо, мимо,
и в «молоко».

Может быть, помешал
ветров неприступный клан?
То ль в окрестностях,
а то ль в голове туман?
Но полётов разбор –
пожалуй, напрасный труд.
Вот такой неважнецкий
из меня Робин Гуд.
Что ж, отбрасывай дальше
несбытых желаний тень.
Может, следовало
мне другую избрать мишень?

Разряд

Вспоминаю: августом лучистым
Полыхнул напротив синий взгляд –
Как под небом ясным в поле чистом
Я попала в грозовой разряд.

Знанием о неодолимой Силе
Был исполнен миг ярчайший тот –
Словно ток сквозь тело пропустили
Напряженьем в десять тысяч вольт.

Сокровенно ль то иль откровенно? —
Но — разряд, Его лишь встречу вновь.
С той поры в моих кочует венах
Наэлектризованная кровь...

Тактовик

Так живёшь себе,
на работу ходишь прилежно.
суетишься что-то...
Но однажды он мимо пройдёт —
повернёт горделиво шею,
взгляд кинет небрежно —
ты стоять останешься с чувством,
что обрушился небосвод.

Миг — и мир твой привычный
вдребезги весь расколот.
Ты познаешь глаза эти —
к счастью ли, на беду?
Там, в прозрачной воде, в глубине их —
бездонный омут,
молний месторожденье,
где огонь пылает во льду.

Шаг ещё – и в пропасть с моста,
аж мороз по коже.
Ощутишь на себе
эту неодолимую власть.
Мысль только одна в голове:
«О Боже мой! О мой Боже! –
Дай снести это мне,
дай выстоять, не упасть!»

Только есть ли тут смысл –
просить кого о подмоге?
Видно, знает в тебе
он тайный один рычаг:
что нажмёшь на него –
и немеют руки и ноги,
ты становишься косноязычной,
как попка-дурак.

Опасайся желаний –
они ведь могут и сбиться.
Так стоять и смотреть на него
от зари до зари.
Как же быть с ним – влюбиться?
Молиться?
Иль утопиться?
Уравнять давление
снаружи и изнутри...

Ты ко всем бы чертям
послала свою свободу,
если времени ход
повернуть бы сумела вспять.
И пошла бы за ним босиком
и в огонь и в воду,
потому что ты без него
вдруг разучилась дышать.

И хоть чувствами неизъяснимыми
вся объята –
понимаешь, что словарный запас
совсем невелик.
Ямбы, дактили и хорей
испарились куда-то,
остался лишь скачущий,
как сердечный пульс, тактовик.

Что-то взор тебе застит,
и слёзы щекочат глотку.
Ты почти что без сил
замерла на своём пути.
А он дальше идёт по жизни
танцующею походкой,
Он тебя, бестолковую,
и не заметил почти...

* * *

Когда тебя рядом подолгу нет –
я разглядываю чьи-то лица,
и что-то может во мне
подняться в ответ,
я могу почти в кого-то влюбиться.

На меня обрушивается
морская волна,
с головой захлёстывает –
и вскоре
вместе с начавшимся приливом
она за собой несёт
в открытое море.

Я пытаюсь руками вцепиться в песок,
как-то справиться с этой бедою;
чую, что от гибели на волосок,
и кричу – но захлёбываюсь водою.

Ты являешься – а времени
уже в обрез,
и по этой самой причине
я за тебя хватаюсь, как за волнорез,
чтобы не оказаться в пучине.

И кричу:
«Сколько раз ты меня спасал,
и вот снова я провинилась –
но когда бы ты меня не покидал –
этого бы никогда не случилось!

Вот и всё, и нет мне пути назад,
в том и правда вся без изъяна –
что когда я вижу твои глаза –
мне сразу ясно, кто мой хозяин...»

Монохром

В серый графит превратилась
вся ширь небес.
В радужных красках мир –
полинял, облез.
Жизнь – монохром.
Ни ночи мне нет, ни дня.
Кто я такая
без твоего огня?

Руки немеют
и мне не хватает сил.
Жгут-невидимка
шею петлёй сдавил.

Вместо мелодий –
в ушах неумолчный гул.
Я без тебя иссохну,
как саксаул.

Едкая горечь –
тёмен её окрас –
вместо воды наполняет
озёра глаз.
Тяжко ходить,
не думая ни о чём,
с к сердцу торцом подвешенным
кирпичом.

Но – в руки взять себя,
совладать с собой.
И попытаться
в кости сыграть с судьбой.
Веря, что не покажет,
(хоть шанс и мал) –
вместо улыбки –
волчьих клыков оскал...

Верность

*Милые мои, верные мои, и – ПОКА
ЕЩЁ – неверные мне...*

Так сказал Он

Я, захлебнувшись волной,
безнадёжно тону.
Нет ни глотка кислорода –
и камнем ко дну.
Только вода – и ни страха,
ни боли от ран.
Что тут поделаешь?
Ты человек-океан.

Искры блестящие,
пепел кругом и зола.
Разум, и тело, и сердце
сгорели дотла.
Вот и попробуй, рискни,
безнаказанно тронь –
Пламенный, ты Faierman,
Человеко-огонь.

Не шевельнуться,
и глупо кричать: «Пожалей!» –

Плотно увязла,
как в вязкой тягучей смоле.
Мне ни один не попался,
кто выбраться смог.
Я не пытаюсь. Зачем?
Ты – зыбучий песок.

Глазу она не видна –
тяготения нить.
Некому, нечем и не с кем
измены творить.
Я утонула, сгорела,
пропав без следа.
Что мне ещё-то терять?
Я верна тебе, да.

*цикл
стихотворений*

Зазеркалье

Ночь была беззвёздная такая...
Затянуло дымкой небосклон.
Словно бы на что-то намекая,
Мне приснился нынче странный сон.

... .

...Перед зеркалом я в напряженье,
На потом оставив все дела,
На своё смотрела отраженье
В амальгаме светлого стекла.

Что же в нём особенного было? —
Виденное миллионы раз...
Что оно мне нового явило,
Сделавшись загадкой сейчас?

Я, допустим, руку поднимала
Вверх — и сквозь зеркальные слои
«Я второе» тотчас повторяло
Вслед за мной движения мои.

Вроде бы мы делали всё вместе
Средь немой, гнетущей тишины.
Но... не совпадали наши жесты —
Скорости их не были равны.

Я остолбенела в изумленье,
Правду осознав такую вот:
Не мои движенья отраженье
Повторяло - а наоборот!

. . .

С той поры – вопрос один спиралью
Крутится, не знаю отчего:
Нас ли отражает Зазеркалье –
Или отражаем мы его?!

Кай

В городе том, где небо
бьётся о крыши край –
Снежную Королевою
был околдован Кай.

То колдовство коварно,
как ледяной укол.
С этой минуты холод
в душу его вошёл.

И вместе с ним вселились,
может быть, навсегда,
В глаз синеву – суровость,
в сердце – кусочек льда.

Он позабыл про солнце,
лето, тепло, любовь.
Город молчаньем скован.
И застывает кровь.

Мир, окружавший Кая,
в бледной уснул заре.
Вечный январь отныне
там на календаре.

Где же она, та Герда,
что одолеет страх –
И поцелуй оставит
на ледяных устах?

Так, чтобы снег растаял,
и отогрелся взор,
Чтобы подснежник первый
в сердце его зацвёл...

Вальс

Сон я видела: светлый, странный
Зал без окон и без прикрас.
... Он ко мне подошёл нежданно
И меня пригласил на вальс.

В белоснежной рубашке бальной,
Грациозный, как танца Бог...
Я стояла с чувством фатальным,
Под собою не чуя ног.

Вот шагнула, руку несмело
Положив ему не плечо.
Птицей сердце во мне запело,
Стало сладко и горячо.

Как хмельного хлебнула зелья.
Ритм в три четверти зазвучал...
Закружились вдруг каруселью
Голова моя, стены, зал.

Всё вертелось, сияло, плыло,
И мерцал, прежде ровный, свет.
Что-то там под ногами было –
Доски, мрамор или паркет?

Погружѐнная в ощущения,
Я не видела ничего:
Неподвижным центром вращения
Стали только глаза его.

Па выделывая лихие,
Вёл меня мой партнѐр-пожар.
Он шептал мне слова такие,
Что я речи теряла дар.

Улыбаясь, в ответ молчала,
Плыл в мозгу золотой туман.
Молотками в висках стучало,
И взрывался во мне вулкан.

Нагреваясь, пылала кожа,
Закипала кровь у меня.
Как и он, я, казалось, тоже
Обрела природу Огня.

Кстати – нас кружилось не двое,
Было пар немало других.
Только – как на прозрачном слое,
Я едва различала их.

В упоенье нашим дуэтом,
И во взгляде чувств не тая,
Мне казалось, что в зале этом
Никого – только ты и я...

Тут споткнуться бы – мол, случайно,
И в объятия к нему упасть...
Хоть снотворное пей ночами,
Чтобы снова в тот сон попасть...

Русалка

Небо в искрах звёзд горячих
тишиной ночной объято.
Круглым ломтиком лимона -
свет луны зеленоватой.
Мир людской заботы полнит
с каждым часом – ну так что же?
Суета его пустая
дух мой больше не тревожит.
Ни страстей мирских, ни зрелищ
мне ни капельки не жалко.
В безмятежной водной глади
я – беспечная русалка.
Пусть они там лгут, воют,
алчут – кто на чём помешан;
Мне по сердцу только заводь,
где плыву себе неспешно.

...Как же я русалкой стала,
чтобы жить в волнах раздольно? –
Утонула, завертевшись
в омутах двух глаз бездонных...

Танец саламандры

Как мрачной дубравы
 полуночным сном,
иль песней, в дубраве звучащей –
Сияющим, алым люблюсь костром
на тёмной поляне среди чащи.

Магнитом волшебным
 он манит меня,
и искры уносятся выше.
Прислушиваюсь – и в гуденье огня
желанную музыку слышу.

Он страсти исполнен,
 той музыки звук,
призыва к полному бдению.
Вот миг – и вступаю я
 в огненный круг,
горящая от нетерпенья.

Тамтамы грохочут,
 и бубны звенят –
всё громче они и всё ближе.
А злато-багровые вспышки огня
ластятся и ноги мне лижут.

Под ритм,
 что энергий яростной полн,
я танец свой всё ускоряю.
Во чреве багряном,
 меж пламенных волн
вращаясь, над ними взмываю.

И то,
 что за кругом костра,
 в стороне –
исчезло, проносится мимо.
И в пламени я, или пламя во мне? –
Друг с другом мы неразделимы.

Пусть ночь –
 но здесь ярче,
 светлее, чем днём,
и я, как во вспышке стоп-кадра –
В любовных объятьях
 сливаюсь с огнём,
ликующая саламандра!

Возлюбленный Солнца

Судьбы поворотом,
Каким колдовским приворотом
Ты сердце пленяешь,
Ума здравый смысл губя?
Все нормы морали,
Слова все и мысли пропали,
И даже восторг мой
Немеет при виде Тебя.

О Юга поклонник,
Вечернего Моря любовник,
Возлюбленный Солнца,
Столь близкий к Небесным Кругам, –
Глядишь светлым взором
С Небес отражённым узором,
И ластанся волны
К Твоим оголённым ногам.

То нежный, то страстный,
Стихий дирижёр полновластный,
Молочною пеной
Тебя одевает прибой.
И магия часа...
А ветер, хитря, заплутался
В Твоих волосах,
Чтобы не расставаться с Тобой.

Ave Maria

Среди городской суеты вездесущей,
Забот бесконечных
 о хлебе насущном,
Посланницей некой небесной стихии
Плыла в майском воздухе
 «Ave Maria».

Божественный Голос,
 то близкий, то дальний,
Звучал в тишине
 чистотою хрустальной.
Мелодии чудной и нот совершенство
Душе неземное дарили блаженство.
Казалось – Поэзия

 вторглась в мир прозы,
Что вдруг в пустоте
 распускаются розы.

И в изнеможенье глаза закрывая,
Я видела ясно преддверие Рая.
И ток в позвонках – ощущением неги,
Являя присутствие высших Энергий.
И было пространство весною одето,
И Светом залито, сияющим Светом.
Куда уплываю?..

 Как долго всё длилось?
Я в Голосе том
 до краёв растворилась...

Рояль

В домике уединённом –
Сумраком скованный зал.
Чёрный рояль отрешённо,
Тихо в том зале стоял.

Мирно под крышкой дремали
Клавиши, лёгшие в ряд.
Грезил о чём-то в печали
Их чёрно-белый отряд...

О музыканте прекрасном
Часто им виделись сны.
Клавиши нежно и страстно
Были в него влюблены.

Как появления солнца,
Пчёлку – с нектаром цветов, –
Ждали: когда он вернётся,
Их оживляющий бог?..

Ах! – светом зал озарился...
С тьмою уходит печаль.
Да, он подходит, садится
За одинокий рояль.

О, окончанье разлуки!..
Клавиши в трепете... Вот
Крышку откинув, он руки
Плавные сверху кладёт.

Длинные гибкие пальцы,
Узкая, сильная кисть...
Близостью их упиваться,
В звуки весь мир свой вместить!

Музыке он отдавался,
Как отдаются любви:
Так у двоих в ритме вальса –
Чувство единства в крови.

Каждое прикосновенье
Клавиш рождало экстаз.
Радостью и упоеньем
Был каждый миг в этот час!

И, отряхнув сплин свой сонный,
Пели и стены, и дом,
Звуками дивных гармоний
Полня пространство кругом.

Ливень

...Как будто в воздушном
 межтучевом штабе
Внезапно разверзлись
 небесные хляби –
Дождь падал и падал с высот
 беспреданно,
Упорно, настойчиво и неустанно

На площади, толпы, и –
 ожесточённо –
На стройного, гибкого юношу
 в чёрном.

Холодные струи –
 что копья из стали –
Врываясь в распахнутый ворот,
 хлестали.

А он неожиданно и бесшабашно
Вдруг обувь откинул,
 разулся бесстрашно,
Навстречу дождю,
 точно с другом играя,
Босыми ногами по лужам ступая.

Высокий, красивый,
 пленающий статью,
Раскрытые руки манили в объятия.

И полон глубокой, чарующей власти
Был голос,
 пропитанный яростной страстью.

Полёт вдохновенья –
 и взора бездонность,
Лица... о, нет! –
 лика одухотворённость.

В очах невозможных –
 бездонные дали.
В них пламя пылало,
 в них слёзы стояли.

Каким обладал он
 неведомым даром?
В груди его сердце горело пожаром.
И толпы людей –
 с безграничной любовью –
Как Данко, он мог бы вести за собою.

А магия в голосе низком, глубоком,
Волнуя, до недр пробиралась,
 к истокам.
И таяло эхо, как отзвук свирели.
А следом и мысли, и чувства летели.

И нечто к нему привлекало, манило.
Столь хрупкий –
 но грозной исполненный силы.

Самим Равновесием был он
в столь дивном
Союзе Божественном –
Пламени с Ливнем.

Две Сущности стали единого рода:
Артист и Стихия, Певец и Природа.
И глядя на это – как молния, сразу,
Душа обмирала, и плавился разум...

Проходит, меняется всё и повсюду.
Но этого я никогда не забуду.
Порою тоска вдруг накатит – бывает!
Я чувствую:
Дождь, мне тебя не хватает...

Взор лучистый

Видно, я нелюбопытна.
Может, недостаток это –
Не смотрю в глаза прохожим,
Не заглядываю в лица.
Я миную их спокойно,
Равнодушием одета.
Но в одном лучистом взоре
Мне б навеки поселиться.

Часто бури в нём бушуют –
Не всегда тот взор так ясен.
Сколько же сердечных шлюпок
Обо льды его разбито!
Надо быть поосторожней –
Он прекрасен и опасен.
Но космическим каким-то
Манит он меня магнитом.

Сквозь пороги и стремнины,
Через встречные течения,
Сквозь года и расстоянья
Я стремлюсь к нему упорно.
Птицей, в небеса летящей,
Волн в прилив к Луне влеченьем,
Чуткой компасною стрелкой,
Зову полюса покорной.

В этих водах непостижных,
То холодных, то горячих.
Жить бы рыбкой золотою,
Безнаказанно плескаться.
Иль сбежать от них подальше!
Только вышло всё иначе –
В те глаза я заглянула,
И погибла, если вкратце...

фантастический рассказ

– Всего неделя! Всего неделя! –
щебетали девчонки. – До праздника
Первой Встречи осталась всего одна
неделя!

Никто из обитательниц пансионата не мог сдержать своей радости. Позади – четырнадцать лет санатория, и вот теперь они, наконец, смогут его покинуть. Через неделю каждая из них впервые лицом к лицу встретится с Солнцем, и, как все взрослые, они смогут с этого момента глядеть на него, не мигая, не щурясь и не отводя глаз. Глядеть полноправно и доверчиво, как дети глядят на родителей. Они станут полноправными жителями Дэнеба.

Дэнеб – Голубой Город – расположен близко к Солнцу. Каждый день огненное светило начинает свой путь на востоке и заканчивает на западе, при этом оно подолгу стоит в зените над самим городом. Его жители могут по праву называть себя детьми Солнца, потому что оно наделило их бесценным даром – возможностью смотреть на него, ши-

роко распахнув глаза, каждой клеточкой впитывая золотое сияние и живительное тепло... Их кожа от близости Солнца обрела за поколения оттенок золотистой меди, глаза – синий цвет дневного неба, тела – грацию и лёгкость, такую, что люди способны взлетать, подобно птицам.

Все эти возможности – великодушный дар Солнца. И дан он, конечно, не просто так. Из поколения в поколение жители Дэнеба свято следуют одному правилу: во время восходов и закатов они скрываются в своих домах и наглухо закрывают ставнями окна. Ни один человек из ныне живущих в Дэнебе никогда не видел Солнца во время восхода или заката. Ведь в эти часы могущественное светило бессильно – настолько, что любой человек может смотреть на него, не отводя глаз. За это бесстыдное любопытство человек расплачивается днём, прикрывая глаза от безжалостного света – веками, солнцезащитными очками,

просто – рукой.

Но только не жители Дэнеба! Никто из них никогда не осмелился бы взглянуть на великое божество в те часы, когда оно не обладает всем своим могуществом. За это Солнце и наградило своих верных и послушных детей бесценным даром.

Но это – что касается взрослых. Дети в любом случае не выдержали бы ослепительного сияния близкого светила. До исполнения четырнадцати лет они живут в закрытом пансионате. Закрытом – в полном смысле слова. Пансионат напоминает огромный террариум – учебные, жилые корпуса и часть города между ними – всё заключено в стеклянный купол. Он изменяет цвет и силу солнечных лучей, проходящих сквозь него внутрь санаторного комплекса. Эти лучи становятся мягкими и безопасными для детских глаз. Четырнадцать лет глядя сквозь стеклянный купол на Солнце, они мечтают о Первой Встрече с ним – лицом к лицу, вживую, а не через за-

щитное стекло.

Они живут в пансионате и учатся. Не только наукам, но и сознательности. Потому что никто не заставляет их силой сидеть за закрытыми ставнями во время восходов и закатов. Двери корпусов и внешние двери детского комплекса всегда открыты, и в опасные часы ребят в домах удерживает только их совесть...

Сердце Эллы билось ничуть не тише после объявления Главной Воспитательницы. Всего одна неделя отделяет её от Первой Встречи с Солнцем! После четырнадцати лет в пансионате – много это или мало? Воистину, эта неделя покажется им бесконечной. Как давно они мечтали об этом дне! Сколько раз рисовали его в своих грёзах!

Эллу переполняли радость и гордость, когда она замечала – какими глазами глядят на них, выпускников, их младшие подруги. Сколько зависти было в этих глазах!

– Вы ведь расскажете нам всё-всё, правда? – настойчиво выпрашива-

ли у них малыши.

– Придёте и расскажете, какое оно – Солнце!

– Только чтобы вы ничего не забыли!

– И нарисуете его, нарисуете, да?

– Да, – отвечали выпускники, – да, конечно!

А сами не могли дождаться ближайшей встречи с родителями, чтобы попросить их о том же – рассказать о Солнце, в тысячный или десятитысячный раз.

...

На уроке истории Элла подняла руку:

– Мисс Файр, расскажите, пожалуйста, ещё раз о Санрайзе.

Та удивлённо взглянула на светловолосую девчонку с большими серыми глазами. Соученицы Эллы тоже глядели на неё с недоумением.

– Зачем тебе ещё раз слушать об этом? – спросила мисс Файр. На её холёном лице, между безукоризненно оформленных бровей залегла недовольная складка.

Элла пожала плечами, покусывая зубами кончик ручки.

– Я пытаюсь понять этих людей, – ответила она.

– Жителей Санрайза? Закоренелых в своём бесстыдстве! – преподавательница истории ещё больше расправила плечи, потянулась затылком вверх, словно стараясь распрямить и без того ровную, как палка, спину. Её талия в форменном платье была такой узкой, точно стянутой корсетом. – Я не понимаю, почему их всё ещё не спалило дотла! – заключила она.

– Я тоже не могу понять, – кивнула девушка. – Ведь Санрайз существует очень давно, она гораздо древнее Дэнеба... Разве Солнце не гневается на её жителей?

– Да, но оно к ним равнодушно. Странно мне слышать такие вопросы от тебя, Элла! – возмущённо сказала мисс Файр. – Ты же избранная! Дитя Солнца! И думать почему-то о Санрайзе, да ещё накануне выпуска!

Передёрнув ещё раз плечами, она сменила тему. Так Элла и не узнала ничего нового.

О Санрайзе – Стране Восходов – ей было известно очень немного из скучных рассказов воспитателей. Элла знала, что раньше, но очень давно, это место было и их родиной, откуда вышли первые основатели Дэнеба. Самого главного из них звали Джоэл Митч. Однажды на него снизошло Озарение, и он осознал грех бесстыдного любопытства жителей Санрайза – ведь встречи восходов и закатов испокон века там были ритуалом; освящённым временем традицией. И, как сейчас жители Голубого Города скрываются в такие часы за ставнями на окнах своих домов, – так в это же самое время жители Санрайза, как один, выходят на улицы и приветствуют Солнце в начале и конце его дневного пути...

Это всё, что знала Элла. История Дэнеба начиналась с посвящения в Учение Джоэла Митча и его последователей, и говорить о заблужде-

ниях жителей Санрайза считалось неприличным. Немудрено, что мисс Файр так отреагировала на просьбу Эллы.

Почему её так занимали мысли о Санрайзе? Быть может, потому, что запретный плод всегда сладок. И ей нравилось тайком размышлять о людях, которые имеют возможность глядеть на Солнце и рано утром, и поздно вечером.

...

– Ну почему папа не пришёл? – спросила Элла жалобно.

– Ты же знаешь, как много у него работы на станции. Если появится такая возможность, он обязательно придёт к тебе ещё до выпуска.

Они сидели в беседке недалеко от учебного корпуса. Мама пытливо взглянула дочери в глаза и укоризненно покачала головой:

– Элла, на тебя жалуются воспитатели.

– Мисс Файр? – она вспомнила вчерашний разговор на уроке.

– Не только. Говорят, ты недоста-

точно усердна и мало времени уделяешь созерцанию. Ну да результат, как говорится, налицо... Твои глаза абсолютно не синеют.

– Мама... – протянула Элла.

– Ну что – «мама»? Я просто ума не приложу – почему ты родилась с серыми глазами? Никого у нас в роду не было сероглазых – ни у меня, ни у твоего отца.

– Неужели это настолько важно?

– А как ты думаешь? – интонации матери вдруг стали очень похожими на интонации преподавательницы истории. – Это пока ты живёшь в санатории, всё представляется тебе недостаточно серьёзным. Но вот санаторий останется позади, ты появишься в Дэнебе, и мне каждый, кто увидит тебя, будет задавать вопрос: «Почему у вашей дочери серые глаза?» Понимаешь, Элла, – она постаралась смягчить интонации, говоря в то же время как можно убедительней, – люди будут смотреть на тебя и думать – почему ты, если уж родилась с таким изъяном – не при-

ложила все усилия, чтобы изменить цвет своих глаз на естественный: голубой или синий? И неизбежно придут к выводу, что ты, во-первых, лентяйка, во-вторых, не склонна к усидчивости, и в-третьих, что самое неприятное – не думаешь о Солнце, о небе и не ценишь способностей, данных тебе Солнцем .

– Мама, я стараюсь, – тихо сказала Элла. – Но у меня ничего не получается.

Откровенно говоря, Элла лицемерила. Она действительно мало времени уделяла предписанному ей «созерцанию». Она попросту терпеть не могла этого занятия. Сидеть в пустой комнате, где стены, пол и потолок окрашены равномерным голубым цветом, и пялиться в экран, где медленно сменяют друг друга опять же все оттенки голубого и синего – всё это казалось Элле невыносимо скучным, и она, как могла, избегала посещения Голубой Комнаты Созерцаний.

Да, мама, конечно, права. Иметь

серый цвет глаз в Дэнебе – значит, создавать себе много проблем. Это как рудиментный отросток на позвоночнике или как признак нечистоты породы. К таким людям с первого же взгляда – настороженное отношение, это Элла уже успела испытать на себе, и обеспокоенность матери вполне понятна. Но Элле это задевало. Почему? Серые глаза – такая редкость! Ей этот цвет нравился, ей надоело каждый день видеть голубые глаза подруг и воспитателей; в тайне (о, в какой тайне!) – она любовалась собой, глядя в зеркало. И уж конечно, не собиралась ничего изменять.

...

Не слишком ли много у неё было тайн от окружающих? Почему бы ей не жить, как все – спокойно и безмятежно, готовить себя к взрослой жизни, предвкушая Первую Встречу с Солнцем?

Может быть, в том, что Элла не стала такой, были виноваты и родители, и преподаватели в пансионате.

Они с раннего детства осуждали её за цвет глаз, постоянно напоминали об этом и предвещали ей трудную жизнь и негативное отношение жителей Дэнеба. Они желали ей только добра, но чего добились? Элла молчаливо взбунтовалась и из принципа решила остаться такой, какая она есть.

И вот какова была самая большая её тайна, самая огромная. Ей страстно, невыносимо хотелось увидеть Солнце во время восхода. Четырнадцать лет она боролась с искушением, но сейчас, перед самым выпуском, оно побеждало её.

«Неужели, – думала Элла, – если я один раз, всего один-единственный разочек одним глазком взгляну на восходящее Солнце, то непременно должно случиться что-то ужасное? Да Солнце меня и не заметит! Разве нет у него других дел, кроме как следить за мной?»

И вот за два дня до выпуска Элла решила. Перед рассветом она проснулась от звонка будильника.

Нужное время она не пропустит: расписание восходов и закатов вывешено в их комнатах на много дней вперёд. Ставни глухо закрыты с вечера, но это – пустая формальность: всё равно истинный цвет солнечных лучей не пробьётся сквозь застеклённый купол.

С колотящимся в ушах пульсом Элла включает свет и, поглядев на часы, начинает быстро одеваться. Она одна в комнате. Девочка, её соседка, два дня назад ухитрилась простудиться – при окружающей жаре это можно объяснить разве что слишком долгим купанием в бассейне... Заболевание – это, конечно, всегда неприятно, но Элле, которой сейчас свидетели ни к чему, оно на руку. «Я на секундочку, – убеждает она себя, натягивая платье и не попадая в рукава, – я только одним глазком...» И осторожно выскальзывает за дверь.

Ей страшно, хотя она прекрасно знает, что ни одна живая душа в пансионате не осмелится сейчас вы-

сунуть нос в коридор. Да они, наверное, ещё спят все – ведь летние рассветы бывают так рано...

На цыпочках Элла крадётся к выходу из корпуса, минует комнаты воспитателей и оказывается на улице. Поспешно бежит через территорию, вдоль стадиона, спортивных и игровых площадок, мимо павильонов и столовой – к внешним воротам. Ей надо вернуться задолго до окончания восхода. Корпуса таращатся на неё слепыми окнами, закрытыми ставнями. «А вдруг кто-нибудь подсматривает?» – обжигает её мысль.

Но отступить уже поздно: тяжёлые железные ворота, в которых, впрочем, никогда не запирается калитка, уже перед ней. Элла выходит наружу. Тревога и страх постепенно уступают место любопытству. Пансионат расположен в лесу, и в предрассветном тумане по широкой тропинке она спешит выбраться на какую-нибудь поляну. Туда, ближе к востоку, где уже прекрасно и запретно золотится горизонт...

Элла находит небольшую проплешину среди деревьев и густого кустарника. Она находится на высоком берегу реки. Здесь так красиво! Но ей совсем некогда рассматривать окрестности; она поглощена только предстоящим зрелищем. Поёживаясь от утренней росы, девушка прячется за могучим стволом дерева, которое к тому же утопает внизу в хитросплетении ветвей, травы и листвы. Присаживается на корточки, морщась от росы, что скатывается с листьев ей на шею и плечи. Затаив дыхание, ждёт, глядя на противоположный берег реки.

Горизонт розов и ал. Кажется, что всё вокруг замерло в торжественном ожидании – стихли птицы, нет ни дуновения ветерка, точно вот-вот произойдёт что-то волшебное. Элле чудится, что даже её сердце перестало биться на время. «Неужели это и вправду случится сейчас? – неотвязно крутится у неё в голове мысль, - О чём я мечтала втайне ото всех, чего жаждала так давно? Не-

ужто я увижу это величайшее и запретное чудо, и мне никто не помешает?» Ей и верится, и не верится – но ведь не бывает, наверное, так, чтобы Солнце однажды не взошло? Оно вон уже, совсем близко...

И вот... Первый луч, багряно-золотой, озарил восток. Медленно, неразличимо для глаза, но верно, светило показалось над горизонтом.

Сколько раз в сокровенных снах она видела это! А потом гадала: каков же на самом деле цвет короны восходящего божества? Какой он? Красный, багровый, розовый, оранжевый? А он оказался... он оказался таким прекрасным! Элла проглотила комок, подкативший к горлу, и стёрла набежавшие слёзы. Дэнеб, Голубой Город, навеки лишён этого зрелища, в миллионы раз более прекрасного тем, что оно – запретное.

Она прижалась к мокрому от росы стволу, почти срослась с ним. Ей казалось, что сейчас должны звучать торжественные фанфары и гимны, приветствующие выход Солнца на

небо... и, может быть, они действительно звучат сейчас в Санрайзе. Элла всё смотрит на Солнце, смотрит в немом восторге, замечая, что оно постепенно начинает наливать силой, золотом; вот-вот, ещё немного, и оно оторвется от горизонта и, как корабль, поплывёт по небу, по дороге на запад...

И вдруг оцепенение спадает, ужас захватывает её. Она не успеет вернуться! Элла осторожно, стараясь не задеть ни одного листика, выбирается из кустарника и стремглав несётся обратно в санаторий, стараясь всегда держаться в тени деревьев. Заметило ли её Солнце? Нет, не может быть! Она была совершенно неразличима среди веток и листвы. Только бы в пансионате никто не заметил её отсутствия! Только бы вернуться до завершения восхода!..

Элла не помнила, как преодолела территорию санатория от ворот до своего корпуса. Она закрывает за собой дверь и тяжело и часто дышит, тщетно стараясь унять бухаю-

щее сердце. А перед глазами продолжает стоять точно нарисованная дерзким художником картина: багряный диск, тёплый и мягкий для глаз, встаёт над горизонтом, над рекой, над лесом... и никто во всём Дэнебе, кроме неё, никогда не увидит этой картины.

...

За день до выпуска к Элле приехали родители. Они ещё раз поздравили её с окончанием пансионата и обсудили планы на ближайшие недели. Сначала Элла, конечно, вместе со всеми выпускницами отправится к Перелётным Птицам. Они осмотрят с высоты Дэнеб и будут петь хвалебные гимны Солнцу. Это традиция. А потом мама и папа покажут ей город «снизу», они побывают на опытной станции, где выращиваются новые жаростойкие плодовые деревья; в открытом бассейне, где работает её мама – инструктор по синхронному плаванию, и посетят ещё много-много самых мест...

Элла слушала, и постепенно смут-

ная тревога, со вчерашнего дня терзавшая её сердце, вытеснялась нетерпеливой надеждой. Когда же она увидит всё это? А вчерашний восход... Что ж, он останется тайной, которую она глубоко и надёжно сохранит ото всех.

И всё-таки ей было беспокойно. Чего-то она боялась и ждала с опасением. Что-то подсказывало: случится нечто страшное.

...Наутро все выпускники собрались в Главном зале, и воспитатели обратились к ним с речью – торжественной и напутственной. Они снова слышали о великой чести быть детьми Солнца, о радужных перспективах, которые ждут их за дверями пансионата, и главное, конечно, о событии, которое ждёт их всего через несколько минут и которое бывает в жизни только раз – о Первой Встрече с Солнцем. И сейчас всё это звучало как-то по-особому трогательно и искренне.

– В добрый путь, – наконец за-

кончила свою речь Главная Воспитательница, – поднимайтесь в башню.

На взгляд Эллы, это был очень красивый обычай, и очень символический. Башня с открытым балконом находилась над куполом, закрывающим санаторный комплекс. Она тоже была застеклённой, но сейчас Главная Воспитательница распахнёт перед выпускницей двери, ведущие на балкон, и та впервые поглядит в глаза Солнцу... а потом оттолкнётся и, шагнув с площадки, воспарит в небо...

Минуты шли, выпускницы возбуждённо переговаривались; их число всё убывало. Они то и дело поднимались по лестнице в башню, чтобы уже не вернуться в детский пансионат.

И вот – очередь Эллы. С гулко забившимся сердцем она добралась до башни, толкнула дверь; и вот она наедине с Воспитательницей.

Та улыбается ей:

– Ты рада, Элла?

– О, конечно!

– Приветствуй же великое Солнце!

С этими словами она распахивает матово-зелёные двери балкона.

Прямо за ними – так близко, что до него, кажется, можно достать рукой – огромный золотой шар, окружённый пылающей короной лучей... Элла успевает увидеть его за секунду; в следующее мгновение она вскрикивает и закрывает глаза, залившиеся слезами от боли и нестерпимого жара...

– Элла!.. – ошеломлённо вскрикивает Главная Воспитательница.

А она отворачивается от Солнца, продолжая закрывать глаза руками. Словно раскалённый молот бьёт по голове, и в этот момент потрясения она ещё не успевает осознать всего.

– Элла! – трясёт её за плечи пришедшая в себя женщина. – Элла, что случилось? Ты слышишь меня?

– Я... не могу, – с трудом произносит она.

– Чего не можешь? Ты в своём уме?! Этого не может быть! Попробуй ещё раз!

Элла отрицательно мотает головой и, всхлипывая, возвращается к лестнице, ведущей в пансионат. Конечно, прыгать с балкона для неё теперь - чистое самоубийство.

Медленно-медленно, под потрясёнными взглядами подруг, она спускается вниз.

...

Солнце! Великое и могучее Солнце! Оно не простило ей измены. Оно всевидяще. Доброе и справедливое, Солнце может стать беспощадным к тем, кто идёт наперекор его желаниям.

Элле было невыносимо тяжело. И стыдно. Потому что она осмелилась усомниться в величии и всевидении Солнца. За то, что осмелилась глядеть ему в глаза против его воли. За то, что теперь навечно в её сердце останется печать солнечного гнева. Она – не дочь Солнца, отныне она – всеми презираемая отступница.

И это справедливо. Потому что только безгрешные глаза могут пря-

мо смотреть в лицо Божеству. А её глаза при попытке сделать это будут застилать слёзы. Всегда. Как память о предательстве...

Пансионат гудел, как растревоженный улей, пока Элла безудержно плакала в своей комнате. Все уже всё знали. Её допросили сразу же, и ей ничего другого не оставалось, как сознаться в своей прогулке на рассвете. О, какие эпитеты пришлось ей выслушать в свой адрес!

«И поделом мне, – думала Элла. – О великое Солнце, я никогда не осмелюсь даже просить у тебя прощения за свою дерзость...»

Её родители уже были здесь. Ей довелось выдержать ещё немало тяжёлых минут.

Дэнеб – необычное место. Здесь тебя любят и нежат, только если ты в ладу с Солнцем и небом, а уж если нет... Если ты не являешься детищем Солнца... Правда, к чести города надо заметить, что случай с Эллой был просто уникальным.

– За что, ну, за что мне такое нака-

зание? – причитала её мама. – Ну, почему у всех – дети, как дети, а у меня... – она безнадежно махнула рукой. – Ой, какой позор!

Отец был мрачен и больше помалкивал, но в его взгляде было далеко не сочувствие.

Они видели только свои проблемы и сложности; проблемы дочери их не занимали. Как не занимала их, видимо, и её дальнейшая судьба. Решать всё они предоставили Учебному Совету. Ещё до его начала Элла поняла, что ей не будет места в Дэнебе. Да она и сама не вынесла бы каждодневных унижительных отворачиваний от Солнца, не вынесла бы презрения сограждан. Кому она там нужна, если даже родители осудили её за грех и отвернулись?

Но самым страшным для неё был гнев Солнца.

Удивительное дело – будущее Элле не волновало. С абсолютным равнодушием она ждала решения Учебного Совета. Разве не странно это для девушки, которая всю жизнь

провела в тепличных условиях?

Почему её не пугала неизвестность будущей взрослой жизни? Да, Элла была странной девушкой, даже я её порой не понимаю, как и её поступков. И тем не менее это правда. Единственное, что её терзало – это та рана, которую она нанесла своим любопытством божественному Солнцу. Но искупить свою вину она была уже не в силах...

Решение Совета Воспитателей её несколько не удивило. Оно было логичным для людей Голубого Города. Эллу с сопроводительным письмом направляли в Санрайз, в город Аурум. В принципе, она могла выбрать любой из городов Санрайза, но ей было всё равно: Аурум так Аурум.

...Прощание было не очень долгим и не слишком слезливым – проливать слёзы по Элле было просто некому, а свои она уже все выплакала. Сумка с её дорожным скарбом была довольно объёмной, но не тяжёлой – в Санрайзе, как и в Дэ-

небе, царило вечное лето.

Двое сопровождающих сели с девушкой в моторную лодку и через канал поехали к устью, где канал соединялся с одним из притоков реки Луаны, на побережье которой и стоял Аурум. По пути Элла разглядывала окрестности, по мере возможности закрывая глаза от света. Она знала, что видит очертания Дэнеба в первый и последний раз. Её спутники высокомерно и возмущённо переглядывались всякий раз, когда Элла отворачивалась от Солнца. Что ж, она понимала: люди так воспитаны, им трудно справиться со своими чувствами, старалась не обижаться...

До Аурума её немного не доездили, а высадили на берегу. Эллины спутники не собирались уподобляться своей пассажирке, они спешили вернуться в город до начала заката. Остаток пути ей придётся преодолеть пешком. Ни слова не говоря, девушка встряхнула свою сумку-рюкзак, повесила её на плечи и,

сопровождаемая шумом отплывающей моторки, направилась в Аурум разыскивать управляющего.

...

Встретили её необычайно дружелюбно; она даже не ожидала такого приёма. Эллу без проблем поселили в общежитии высшей школы-интерната, где ей предстояло жить и учиться в течение ещё четырёх лет, чтобы овладеть какой-нибудь нужной в Ауруме специальностью. Так что её жизнь не так уж круто переменялась.

На короткое время она, конечно, стала сенсацией. О ней писали, говорили, кричали на каждом углу, называя её «...девушкой, впервые решившейся бросить вызов косности Дэнеба; представительницей нового поколения, которое всё подвергает сомнению, пытливей и любознательней душой...» и прочая, и прочая. Журналисты пытались взять у Эллы интервью, чтобы подтвердить все даваемые ей эпитеты, но девушка неизменно отказывалась,

предпочитая отмалчиваться и ничего не комментировать. Поэтому популярность её быстро пошла на убыль, а потом сменилась полнейшим непониманием. Для девушки, изгнанной из Дэнеба за то, что решила полюбоваться восходом, её поведение было нелогичным. Казалось, в Ауруме она могла получить всё, о чём мечтала, и всё, о чём вообще может мечтать человек – славу, известность, популярность и возможность сколько угодно смотреть на восходы и закаты – надо было только жить, подчиняясь традициям Санрайза, Розовой Страны, гербом и символом которой было восходящее над горизонтом Солнце. А Элла поступила совсем не так, как от неё ожидали. С момента вступления на землю Аурума она не видела ни одного восхода и ни одного заката, наглухо закрываясь за шторами своей комнаты. Она вела себя, как примерная жительница Дэнеба, хотя теперь это было лишено какого-либо смысла.

Соседи, соучащиеся Эллы по интернату сначала дивились, потом стали подтрунивать над ней, а потом махнули рукой, ибо она не обижалась, но упрямо делала по-своему.

Санрайз и Дэнеб никогда не враждовали; они попросту игнорировали друг друга. Эллу посчитали чудиком (ну, а что с них взять, с этих фанатиков полуденного Солнца?) – и оставили её в покое.

...

Ей было стыдно. Каждый раз, поднимая глаза к небу и Солнцу, она поспешно опускала их к земле под грузом давящей на неё вины. Нет, она не перенесёт больше страха и позора ещё раз столкнуться взглядом с бессильным красным светиллом. Зачем? Чтобы ежедневно утром и вечером мстить ему за то, что днём лишён этой возможности – глядеть на него безнаказанно?

Сейчас, размышляя о прошлой жизни и о своём проступке, Элла часто вспоминала слова мисс Файр,

преподавательницы истории. «Я не понимаю, почему их всех ещё не спалило дотла!» – воскликнула она, когда Элла упомянула при ней жителей Санрайза, «закоренелых в своём бесстыдстве». Теперь она сама была в числе этих людей. И имела ли она право их осуждать?

У неё появились друзья и просто приятели. Вместе с ними Элла училась, отдыхала, ездила на практику, развлекалась. Жители Аурума были весёлыми и общительными, в них отсутствовало высокомерие Детей Солнца. Эллу не попрекали цветом глаз, она была со всеми дружна, и вообще стала здесь своим человеком. Но... только между закатами и восходами, между восходами и закатами.

...

А теперь мы опустим два года из её жизни. Это было время вопросов и ответов, поисков себя, надежд и разочарований. Здесь Элла обрела (а может, только развила) те качества, которых ей не хватало раньше –

упорство и умение во всём идти до конца. Она повзрослела, ей пора было решать вопрос о своей специализации, чтобы в оставшиеся два года жизни в высшей школе овладеть профессией. Но Элла всё колебалась, не зная точно, к чему у неё больше склонности. Пожалуй, что всё-таки к биологии. Возможно, тут сказались гены отца, всю жизнь проработавшего с растениями на опытной станции. А может, дело было не только в генах. Ведь растения – это объекты, жизнь которых тесно связана с Солнцем, и так же тесно и странно переплелась с великим светилом и её собственная судьба.

Как-то раз Элла повстречала в коридоре миссис Гарлей – престарелую преподавательницу, которая велла биологию столько, сколько существовала эта высшая школа. Её седые волосы были старательно уложены в старомодную причёску с аккуратными крупными локонами. Пытливый и доброжелательный, как всегда, взгляд, был обращён прямо

Элле в глаза.

– Эллочка, – сказала она, – зайди ко мне в кабинет. Давай немного поговорим.

Девушка кивнула и вошла следом за миссис Гарлей в её кабинет. Старая преподавательница нравилась Элле своей увлечённостью биологией, живым интересом и пониманием к ученикам, и всегдашней к ним снисходительностью. Опыт подсказывал мудрой женщине, что из-под палки ничего не добьёшься от учащихся. Она не навязывала свой предмет, а просто вела его так увлекательно, что биологию в этой школе все любили.

В кабинете миссис Гарлей усадила Эллу на один из стульев, села напротив и улыбнулась:

– Ну, как у тебя дела?

Элла пожалала плечами. Вопрос ни к чему не обязывал.

– Я думаю, что выберу ваш предмет в качестве специализации.

– Мне это будет очень приятно. К тому же, мне кажется, это – пра-

вильный выбор, – она помолчала. – Элла, – её голос стал задумчивым, – но вот ты выучишься, покинешь интернат, начнёшь самостоятельную жизнь – и что дальше? Всё останется по-прежнему? Ты так же будешь прятаться от восходов и закатов?

– Да, буду, – ответила девушка с вызовом.

– Но ведь это тебе ничего не даст.

«Зачем она меня об этом спрашивает? – недоумевала Элла. – Мораль читать собирается? Сколько я их уже слышала от других... Нет, на миссис Гарлей это непохоже».

– Может быть, мне и даст, – только и сказала она.

– Ты испытываешь стыд перед Солнцем, – неожиданно услышала Элла голос миссис Гарлей. Она в замешательстве взглянула на преподавательницу и отвела глаза.

– Об этом я и хочу поговорить с тобой, Элла.

– Зачем? – девушка пожала плечами, глядя на поверхность стола перед собой. – Это – моя жизнь. И

мои отношения с Солнцем касаются только меня. Мне и вправду стыдно... – она подняла глаза на собеседницу. – Но надо признать, что никто, кроме вас, миссис Гарлей, не заговаривал со мной об этом в Ауруме.

Миссис Гарлей помолчала, поправив воротничок (крахмально-белый) на своём форменном тёмно-сером платье. Потом пронизательно взглянула на девушку.

– Тебя угнетает не изгнание из Дэнеба, а твоя вина перед Солнцем, верно? – голос её звучал тихо и доверительно.

– Да, – признала Элла. – И совершенно неважно, где я живу – здесь или там.

Преподавательница вздохнула:

– Это пока неважно. Когда ты будешь жить и работать рядом с большим коллективом, твоё поведение на восходах и закатах в конце концов воспримут враждебно.

– О великое Солнце! – воззвала Элла. – Я-то думала, что вы меня понимаете, а теперь вижу: повторяется

то же самое, что было со мной в Дэнебе. И там и здесь мне предрекают враждебность окружающих!

– Кто же в этом виноват? – разве-ла та руками. – Ты сама нарушаешь все правила и традиции. Выворачиваешь их наизнанку, а потом хочешь понимания?

– Миссис Гарлей, хоть вы-то оставьте меня в покое! – взмолилась Элла. – Мне всё равно, что думают или будут думать обо мне окружающие. Если вы надеетесь убедить меня изменить мои принципы, то лучше не начинайте, не поможет.

– Не кипятись. Я прекрасно понимаю тебя. Я просто хочу, чтобы ты взглянула на вещи трезво и поняла – ты не сможешь жить в Санрайзе.

– Не смогу? – Элла с удивлением подняла брови.

– Оставь свои амбиции! – преподавательница досадливо махнула рукой. – И перестань обманывать себя. У тебя такой комплекс вины перед Солнцем, что ты не вынесешь в конце концов необходимости еже-

минутно отводить от него глаза. К этому здесь все привыкли, для нас это – естественно, но ты-то – из Дэнеба! Ты всегда будешь вспоминать своё прошлое и те возможности, которых лишилась однажды из-за любопытства. Я думаю, каждый рассвет напоминает тебе об этом.

Элла молчала, проглотив комок в горле.

– Вы... всегда это знали, – выдавила она наконец.

– Да.

– Но какой смысл об этом говорить? Я всё равно не могу вернуться обратно. Так или иначе, но мне придётся жить в Санрайзе. И будет ко мне враждебно его население или нет – это ничего не изменит.

– Я веду речь лишь о том, что ты должна примириться с Солнцем – разве не так?

Девушка изумлённо глядела на неё.

– Да, конечно, - проговорила она в замешательстве. – Мне бы очень этого хотелось.... Но как? Что я могу

сделать? Я ещё не научилась поворачивать время вспять.

– Но и оставив всё, как есть, ты никогда не обретёшь покоя.

– А могу я узнать – почему вас волнует моя судьба? Никто в Ауруме не переживает за мои отношения с Солнцем.

– Ну, может быть, потому, – вздохнула миссис Гарлей, – что один из моих предков был в числе последователей Джоэла Митча – основателя Голубого Города. Поэтому твоё появление здесь я приняла гораздо ближе к сердцу, чем другие жители Аурума.

– Да... теперь я понимаю. Но чем вы можете мне помочь? – мучительно спросила Элла. – Вы думаете, я не хочу мира с Солнцем? Но что я могу исправить? Что сделать – кроме как терзаться, помня о своей вине?

– Вспомни-ка для начала о Фирсовом озере, – посоветовала преподавательница биологии.

– Фирсово озеро? – недоумеваю-

ще переспросила девушка.

Это место было, по всеобщему мнению, некой аномальной зоной, загадочным явлением природы. Небольшое озеро, которое вдоль берегов сплошь поросло осокой, а посередине было усыпано всевозможным растительным хламом. Загадка состояла в том, что в районе озера постоянно шёл дождь, а когда его не было, небо над этим клочком земли всегда было закрыто тяжёлыми тучами. Причину этого никто не знал. Кроме, как выяснилось, миссис Гарлей.

– Когда-то давно, – рассказывала она, – настолько давно, что никто из ныне живущих этого уже не помнит, Фирсово озеро было кристально чистым водоёмом, и поверхность его напоминала хрустальное зеркало. Каждый день Солнце, проходя над этим местом, любовалось своим отражением в воде – совсем как молодые девушки любят себя, глядя в маленькое зеркальце.

Но потом люди, которые любили

отдыхать там, засорили ключи, замусорили берег и воду. Озеро частично пересохло, загнило, а потом стало зарастать. Люди перестали туда ездить. А Солнце, не в силах видеть в замутнённой воде свой искажённый лик, решило раз и навсегда скрыть пруд от своих глаз. Потому там всегда тучи и постоянно идёт дождь. Но вообще, – закончила миссис Гарлей, – это легенда.

Элла молчала. Она размышляла над услышанным.

– Вы думаете, – медленно сказала она наконец, – Фирсово озеро – мой шанс примириться с Солнцем?

– Да.

– А если это и вправду – только легенда?

– Всё равно, ни одно деяние не проходит незамеченным. Разве ты ещё не убедилась в этом однажды? А это – единственное полезное дело, которое ты можешь сделать для Солнца.

– Спасибо, – Элла поднялась, – наверное, вы правы. Скоро каникулы...

и я подумаю обо всём.

Она пошла к двери. У порога миссис Гарлей окликнула её:

– Главное, чтобы тебе хватило сил и терпения. Потому что ты должна сделать это сама, только сама.

Элла кивнула и вышла.

...

Конечно, она должна сделать это сама. Никто не должен помогать ей совершить этот подвиг во имя Солнца. Она расчистит озеро, отыщет ключи и возобновит поступление чистой воды. Сможет ли она? Ей должно хватить на это двух месяцев. Но страха перед предстоящей грандиозной работой не было. Только решимость выполнить свой долг.

В течение ближайших дней Элла съездила на Фирсово озеро и прикинула, какое оборудование понадобится, чтобы решить задачу.

Вскоре должны были начаться каникулы, которые учащиеся проводили где хотели и как хотели. Интернет финансировал их отдых.

На вопрос – где она будет прово-

дять каникулы, Элла отвечала туманно. К их началу она составила список необходимого инвентаря. За два года жизни в Ауруме девушка неоднократно бывала в походах и хорошо разбиралась в туристическом снаряжении.

Во второй день каникул, предусмотрительно дождавшись, пока все её сотоварищи разъедутся, Элла направилась покупать нужное.

Она приволокла в общежитие надувную резиновую лодку, непромокаемую палатку, багор, керосин, рюкзак с инвентарём и продуктами... и ещё много чего.

Вопрос, как всё начать, она решит на месте. Да, миссис Гарлей права.

Главное, чтобы хватило сил и терпения.

На следующий день, переждав восход, Элла в несколько приёмов перетащила весь инвентарь к реке. К счастью, до озера можно было добраться на вёслах.

Девушка накачала насосом лодку, спустила её на воду и сгрузила в неё

всё необходимое.

Оттолкнулась веслом от берега и отправилась в путь.

...

Когда Элла добралась до озера, дождя не было. Она привязала лодку в заранее предусмотренном месте и принялась ставить палатку. Трава вокруг от постоянной влаги была сырой, вода хлюпала под ногами и Элла устанавливала палатку на небольшом возвышении.

Странно она себя чувствовала. Только что плыла по реке, привычно отворачиваясь от ослепительного света Солнца, и вот здесь – сплошные серые тучи, никаких теней и холод от сырости.

Пока Элла разбивала свой маленький лагерь, снова начал накрапывать дождь. Девушка поспешно перетащила припасы в палатку, перевернула лодку вверх дном и спряталась в непромокаемой палатке, застегнув полог.

Интересно, – подумала она, – постоянные дожди, а озеро не выхо-

дит из берегов... почему? Наверное, у воды был какой-то подземный отток, к Луане.

Н-да, и подолгу тут идёт дождь? А если он будет лить по несколько часов, без остановки, когда же ей работать? Объём работы сейчас казался ей невыполнимым, на сердце что-то натужно заскребло, но она решительно отбросила паникёрство и принялась открывать банку консервов. Пора было подкрепиться...

...Каких только чувств она потом не испытывала! Отчаянье, когда казалось, что работе конца-краю не будет, сильнейшую усталость, острое осознание одиночества и, наконец, элементарный страх перед мокрыми, холодными ночами под монотонный аккомпанемент дождя.

Дождь. Сырость пробрала её до костей. Элла соорудила навес над лодкой, чтобы можно было делать дело и под дождевыми струями.

Она начала с берега. Собирала весь хлам, оставшийся от поколений

туристов, любителей пикников на открытом воздухе – проржавевшие консервные банки, пластиковые пакеты, стекло, бутылки, изъеденные временем железяки непонятного предназначения и другой неопознаваемый мусор. Таскала всё это в одно место, обливала керосином и поджигала. Метр за метром она упорно отвоёвывала берег.

Срезала и выдёргивала осоку, выгребала ряску, тину. Словно гребнем, расчёсывала граблями траву. От мусора, стекла, осоки и тяжёлых вёдер ладони скоро вздулись кровавыми мозолями. Она завязывала их и продолжала, с остервенением глуша работой слабость и боль. Порой ей хотелось разреветься от усталости и жалости к себе, но она стискивала зубы и делала своё дело.

Временами она так уставала, что ей не хватало даже сил развести огонь и обсушиться. После нескольких ночей, проведённых в дрожи и сырости, она простудилась.

Элла перетащила лодку с озера на

реку и дрожащими руками, едва не роняя вёсла, с огромным трудом догребла до города. Но здесь светило Солнце, и девушка словно ожила.

Она так по нему соскучилась!

Добравшись до общежития, Элла достала всевозможные лекарства от простуды, наглоталась отваров и таблеток, понежилась в тепле и вернулась в свой мокрый ад. Она и не думала отступать.

Теперь она всегда поступала так, когда возникала необходимость просушить одежду – отъезжала от озера туда, где кончались тучи и грело Божественное светило.

«Солнце, – размышляла Элла порой, – видишь ли ты меня? Знаешь ли, что я делаю для тебя? И достаточно ли этого, чтобы искупить мою вину, снять груз с моей души? Дай мне силы закончить начатое!»

Когда Элла одолела берег, она принялась за поверхность водоёма. Собирала перегнившие листья и сучки, разросшуюся ряску, пропускала всё через сито, чтобы избавиться от

излишней влаги, и оставшийся мусор сжигала там же, где и всё остальное. Шарила багром по дну, извлекала коряги и другой хлам.

Она была одна. Никто из нормальных людей не приезжал сюда. Кому надо было мокнуть по двенадцать-шестнадцать часов в сутки? От постоянной сырости, от отсутствия солнечного света кожа девушки стала совсем бледной, глаза ввалились, их окружили тени усталости. Впрочем, Элле некогда было смотреться в зеркало. Она очищала зеркало для Солнца.

Через полтора месяца берег и водоём были расчищены. Элла принялась разыскивать ключи. До сих пор они не встречались ей, и она опасалась – вдруг они пересохли ещё задолго до того, как Фирсово озеро стало обиталищем дождей? Элла тщательно исследовала берег, раздвинула руками каждый пучок травы и, наконец, к неопишуемой своей радости, обнаружила первый родник – слабенький-слабенький, почти

задохнувшийся между двух кочек. Она раскопала вокруг землю, расширила ключ и помогла воде пробиться по новому руслу к пруду.

Итак, последние недели Элла разыскивала старые родники. Сколько их было раньше? Она, конечно, не знала. Элла отыскала четыре... Каждый из них был обновлён, каждый струил теперь воды к заводи, сливаясь с ней и полня.

...

Работа подходила к концу. А может, уже была окончена? Девушка боялась думать об этом. Почему?

Потому что в течение этих двух тяжелейших месяцев она могла надеяться на какое-то чудо, на что-то несбыточное. А сейчас ей становилось страшно при мысли, что труд её был напрасным, и всё останется по-прежнему. Так же здесь будут лить дожди, и небо над Фирсовым озером никогда не расчистится от туч. Тогда зачем она это делала? Неужели всё было зря?

Элла снова и снова прочёсывала

берег, по которому давно уже можно было пройти босиком, не опасаясь пораниться; плавала в лодке по озеру, вылавливая остатки прелых листьев. Пруд был почти идеально круглым и, наверное, с высоты действительно выглядел как маленькое зеркальце.

Увидит ли его когда-нибудь Солнце? Захочет ли, догадается взглянуть?

Однажды, к удивлению Эллы, целый день не было дождя. Она просидела этот день у костра, зачарованно глядя в огонь и непривычно бездельничая. Ей так и хотелось вскочить и напрячь окрепшие мышцы на работу... но работа была окончена, и теперь оставалось только ждать. А к вечеру плотные тучи вдруг прорезал солнечный луч. Он упал с высоты на заводь, отразился и заблестел в омытой родниками воде. Это длилось недолго, всего несколько минут, потом тучи снова сошлись. Но сердце Эллы билось в отчаянном ритме до глубокой ночи.

Ей было по-настоящему страшно. Након было поставлено всё, от неё ничего уже не зависело. Неужели в её судьбе так ничего и не изменится?..

...

Какая-то неведомая сила заставила её утром выйти из палатки. Элла откинула полог... и зажмурилась от неожиданности. Синее небо, синее озеро, сверкающая вода – всё было залито ослепительным сиянием... О ужас! Неужели – ослепительным?

Её сердце готово было выпрыгнуть, Элла крепко сжимала веки. «Открой глаза, взгляни! – требовало в ней что-то, но она боялась. – Ну же!..» Она глубоко вздохнула и медленно открыла глаза.

О великое Солнце! Какое нежное, божественное тепло! Оно наполняло её доверху. Какой чудесный свет залил радостью всё тело! Элла засмеялась, потом заплакала от счастья и волнения, но Солнце высушило слёзы на её щеках. Она распахнула глаза так широко, как

только могла.

Какая невиданная лёгкость! Элла оттолкнулась и полетела навстречу Солнцу. Скоро она уже не замечала неба, только сияние, к которому стремилась всей душой. Только огненный диск, только волшебные, тёплые, ласкающие лучи, которые она впитывала в себя, упиваясь ими, как волшебным напитком. Элле показалось, что она слышит гимны, славящие Солнце, и ей самой хотелось петь их. Она поднималась к Солнцу на волнах ликования.

Сияние закрыло весь горизонт, и Элла вдруг увидела вместо диска – Божественной красоты лик в сияющей диадеме, окружённый нимбом. Огромные, прекрасные золотые глаза пронзили её сердце.

Гимны стали слышнее. Элла приближалась... Уста Солнца дрогнули, и она услышала:

– Дитя моё... Я прощаю тебя. Оставайся со мной навсегда.

СОДЕРЖАНИЕ

Западный ветер

цикл стихотворений 3

Чужестранка

цикл стихотворений 20

Напалм

цикл стихотворений 36

Зазеркалье

цикл стихотворений 57

Золотые глаза Солнца

фантастический рассказ 74

Литературно-художественное
издание

Барткевич Елена
Золотые глаза Солнца
(циклы стихотворений, рассказ)

*Компьютерная вёрстка,
оформление –
Александр Топчий*

*Обложка –
Елена Барткевич,
Александр Топчий*

*Рисунки – свободный доступ в
интернете*

*Подписано в печать
Тираж договорной
Отпечатано в типографии
«Альтернатива»
Тульская обл., г.Новомосковск,
ул. Коммунистическая, 23*